

Автор - Олег Сешко, Витебск (Беларусь).

ПРИСТРАСТИЕ К СЧАСТЬЮ

Горлица

Жизнь органична в своём безразличии.
Между «не верится», «хочется», «колется»
Маленькой искоркой мечется горлица,
Ищет любви, чтоб понять и постичь её.

Крылья ломает о сплетни бесстыжие,
В кровь разбиваясь о взгляд осуждающий:

«Думать не думай, ты наша пока ещё,
Стайная птица вне стаи не выживет.

Нету любви, есть закон вызревания,
Стая найдёт молодого, задорного.
Хочешь питаться отборными зёрнами?
Значит, его приласкаешь заранее».

Ветер солёных предутренних сумерек
Стал ей помощником, перьями, крыльями.
Слабые горлицы могут быть сильными,
Если готовы любить до безумия,

Если не очень мягки и покладисты.
Тело исходит тоскливыми соками.
Нынче привиделось море далёкое,
Крик буревого в громах раскатистых,

Утлое судно в холодной испарине,
Добрых дельфинов печальная песенка.
Жизнь – оглушительный крик буревого.
Счастье – уметь оставаться неправильным.

Города

Город выжил. От горя почти ослеп,
Но упрямым кутёнком пополз к теплу,
Я коробку с теплом разместил в углу,
Покрошил в молоко доброту и хлеб.

Он лакал молоко, отходя от бед.
Отогрелся едва и уснул ничком.
По усталой струне я провёл смычком,
Понимая, что прошлого больше нет.

Я живу без тебя! Распахнув окно,
Танцевала весна, взгромоздясь на стол,
Пела скрипка, смычок приводя в восторг.
Непослушное счастье к мечте влекло.

Город рос, подвывая, зевал, смешил,
Не вмещался в коробку, в квартиру, в дом,
Семь холмов уместили его с трудом,
Семь холмов непролазной моей души.

Ты вернулась. Пришла по следам весны,

Твой измученный город пищал во тьме.
Там, в коробке, остался пушистый мех,
Доброта, свежий хлеб и цветные сны.

Пусть поспит и отбросит земную блажь.
Мы с тобой отогреем его вдвоём.
Ты пока отдохни, поживи в моём,
Он теперь не умрёт, если вдруг предашь.

Пристрастие к счастью

Поэта трясло от земного счастья,
рвало по ночам этим счастьем хмурым.
Поэт ОРЗ запивал микстурой
и жадно писал о любви и страсти.

Раскусывал судьбы забавы ради,
жонглировал смыслами в каждом слове,
рычал по-звериному, хмурил брови,
рождался и жил до конца тетради.

За ним восставали друзья из тлена,
ревела земля, обрастая кожей.
А позже он счастьем блевал в прихожей,
холодной строкой зашивая вены.

Иначе нельзя, невозможно, страшно.
Не сильно печалюсь, где сны, где яви,
поэт на пути к всенародной славе
сегодняшний день заменял вчерашним.

К утру умирал и, поставив точку,
бессонницу выпив до дна стакана,
он шёл покорять города и страны
в застиранной наспех ночной сорочке.

Олег Евгеньевич Писарев

СП